

На правах рукописи

Баранов Николай Николаевич

**ЛЕВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
В ВИЛЬГЕЛЬМОВСКОЙ ГЕРМАНИИ
(1858–1918 гг.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург– 2012

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Ткачев
Сергей Михайлович
доктор исторических наук, профессор
Корнева
Лидия Николаевна
доктор исторических наук, профессор
Шилов
Сергей Павлович

Ведущая организация:

Учреждение Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва

Защита состоится 17 февраля 2012 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал Ученого совета, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История немецкого либерализма середины XIX – начала XX вв. по-прежнему остается «тайной за семью печатями». Зачастую даже в представлениях профессиональных историков, напрямую не соприкасающихся с этой проблематикой, немецкий либерализм предстает «terra incognita» или находится глубоко в тени традиционных представлений о значимых, но имеющих, как правило, негативный оттенок маркерах эпохи: Бисмарк, объединение железом и кровью, кайзеровская империя, «альянс ржи и стали», милитаризм, мировая политика и т.п. Это объясняется тем, что либерализм воспринимается, как правило, в качестве универсальной доктрины и модели, как «политическая традиция Запада», которая практически не прижилась в Германии¹.

В соответствии с доктриной классического либерализма наиболее устойчивым и способным к развитию является общество, основанное на свободной рыночной экономике, социуме свободных индивидуумов, политической демократии и толерантности. Образец такого общества впервые был создан в англосаксонских странах в новое время и затем распространялся по всему христианскому миру. В действительности эта концепция была создана только во второй половине XX века усилиями группы известных немецкоязычных мыслителей, волею судеб переселившихся в Великобританию и очарованных ее историческим опытом: Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, К. Поппер, Р. Дарендорф. Историческая реальность гораздо сложнее и разнообразней: либерализм – это многоликое явление, которое неоднократно меняло свою формы и сущность в зависимости от конкретно-исторических условий и региональных особенностей. По словам известного немецкого историка Л. Галя «термин либерализм часто используется произвольно и служит этикеткой для самых различных политических, экономических и социальных сил, идей и устремлений»².

Самым травматичным в исторической памяти немцев остается период национал-социалистической диктатуры и Второй мировой войны. Не удивительно, что с тех пор и до сего дня любые интерпретации событий и процессов нового и новейшего времени вольно или невольно интериорируются «германской катастрофой» середины XX столетия (Ф. Мейнеке)³. Среди прочего немалая доля ответственности за путь к катастрофе возлагается на немецкий либерализм. Наиболее последовательно эту мысль отстаивают вслед за Ф. Фишером и Г.-У. Велером сторонники кон-

¹ См.: Watkins F. Political Tradition of the West. Cambridge Mass., 1948.

² Gall L. Liberalismus und „bürgerliche Gesellschaft“. Zu Charakter und Entwicklung der liberalen Bewegung in Deutschland / Liberalismus. Hrsg. von L. Gall. Königstein/Ts, 1985. S. 162.

³ См.: Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.

цепции «особого пути» Германии в эпоху модерна⁴. В связи с экономической отсталостью Германии и отсутствием национальной буржуазии в первой половине XIX в. немецкий либерализм характеризуется как слабо-развитый. С самого начала своего политического существования, со времени потерпевшей поражение революции 1848 г. он демонстрирует две взаимодействующие между собой особенности, которые не позволили создать в Германии прочную либеральную традицию, подобную британской или французской. Во-первых – его поздний старт, во-вторых – отказ от собственных принципов во имя национального объединения («сначала единство, затем свобода»). Подчеркивается капитуляция либералов перед силовым государством. Все это в контексте концепции континуитета между Бисмарком и Гитлером привело к тому, что немецкие либералы не смогли предложить и реализовать жизнеспособную альтернативу кайзеровскому режиму, что и сделало неизбежным приход к власти национал-социалистов.

Подобный прямолинейный детерминизм скорее затемняет, чем проясняет проблему. Чтобы полнее понять специфику немецкого либерализма, необходимо вписать его в более широкий европейский и региональный исторический контекст. Идеология немецкого либерализма, как и других национальных вариантов этого течения, формировалась в эпоху зрелого Просвещения и Французской революции. Однако она испытывала на себе мощное влияние политической традиции старой империи, которая в новых условиях нашла выражение в комплексе представлений «исторической школы права» Ф. К. фон Савиньи и К. Ф. Эйхгорна. В рамках идеи дуализма государства и общества основами германской государственности считались сословная конституция (не столько свод основных законов, сколько органическое строение государства) и сословный федерализм, а ее национальная специфика виделась в сочетании сословно-корпоративного представительства и выборной династической монархии. С позиций историкоромантической школы в трудах Ф. К. Дальмана и Р. фон Моля необходимость конституции и народного представительства обосновывалась не потребностями настоящего и будущего, а давними прецедентами.

Становление идеологии и политической практики немецкого либерализма происходило в сложных условиях. В первой половине XIX столетия в Германии национальная буржуазия как класс еще не сложилась, а либеральные ценности под влиянием британского и французского опыта усваивались и воспроизводились в основном представителями традиционных по происхождению городских слоев, которых объединял относительно высокий образовательный уровень и достаточно широкие возможности социальной самореализации. В немецкой традиции они определяются термином «*бильдунгсбюргертум*» (нем. *Bildungsbürgertum*) адекватный перевод

⁴ См.: *Ullmann H.-P. Politik im deutschen Kaiserreich 1871–1918. München, 1999. S. 53–63; Kocka J. German History before Hitler: The Debate about the German Sonderweg // Journal of Contemporary History. 1988. Vol. 23. № 1. P. 3–16.*

которого в отечественной историографии пока не утвердился. Еще более сложная ситуация с определением содержания немецкого левого либерализма. Само это словосочетание «немецкий левый либерализм» кажется едва ли не оксюмороном. Тем не менее, такое политическое явление существовало и существует в истории Германии, по крайней мере, с середины XIX столетия. Однако в то время понятие «левый либерализм» не использовалось, а вместо него употреблялось «радикальный либерализм».

Очевидное противоречие между понятиями «либеральный» и «радикальный» в уникальном единстве воплощали личности первых представителей решительной оппозиции. Это противоречие заключалось в первую очередь в радикальном преувеличении либеральных принципов. То же смысловое противоречие иллюстрирует охотно использовавшееся левыми либералами название «народная партия», поскольку они в целом оказались не способны к мобилизации масс и даже не стремились к этому. Олицетворением левого либерализма в вильгельмовской Германии являются два наиболее ярких и влиятельных политика той поры – Ойген Рихтер и Фридрих Науман. В личных судьбах и политической деятельности этих выдающихся представителей двух поколений немецких либералов отразились существенные черты исторической судьбы левого либерализма в Германии, со всеми их надеждами и противоречиями.

Степень изученности темы характеризуется тем обстоятельством, что немецкий левый политический либерализм и его историческое значение остаются недооцененными. В отечественной историографии традиции изучения данного направления фактически не сложилось. Вклад российских историков ограничивается несколькими статьями таких авторов как А. И. Патрушев, А. Б. Цфасман, Е. Д. Максаковская, Г. М. Садовая. В зарубежной историографии (преимущественно немецкоязычной, а также англосаксонской) проблематика политического либерализма в Германии середины – второй половины XIX века разрабатывается давно и достигла определенной степени зрелости. Однако левый политический либерализм остается на периферии исследовательских интересов, за исключением личности и деятельности Фридриха Наумана. Однако стоит заметить, что многие авторитетные исследователи, такие как, например, Р. Дарендорф выражают серьезные и обоснованные сомнения в принадлежности Наумана к левому либерализму. Истории изучения немецкого политического либерализма, сложившейся в отечественной, немецкой и англоязычной историографии, посвящена первая глава диссертационного исследования.

Источниковая база исследования представлена комплексом неопубликованных и опубликованных письменных источников различной видовой принадлежности. Специфика источниковой базы исследования определяется исторической судьбой самого левого политического либерализма. Неопубликованные исторические источники сравнительно слабо представлены в архивных фондах федерального и земельного уровня. В связи с этим основой источниковой базы стали опубликованные законода-

тельные акты и парламентские документы, документы политических партий. Важное место среди источников по теме исследования заняла либеральная пресса. Ключевое значение для понимания мировоззренческих, идеологических и программных установок левых либералов имеет обширная публицистика их лидеров О. Рихтера и Ф. Наумана. Кроме того, были использованы источники личного происхождения. Развернутая характеристика источниковой базы исследования содержится в первой главе данной диссертации.

Объект исследования: либерализм в политической культуре вильгельмовской Германии (1858–1918 годы).

Предмет исследования: левый политический либерализм как неотъемлемая составная часть общелиберального движения, политической системы и государственного строя вильгельмовской Германии (1858–1918 годы).

Цель диссертационной работы – комплексное изучение феномена левого политического либерализма в вильгельмовской Германии, его идеологии, программатики, а также политической деятельности левых либералов в 1858–1918 годах.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **исследовательские задачи:**

- изучить исторические условия формирования идеологических и организационных основ политической деятельности немецкого левого политического либерализма, их связь с задачей объединения страны;
- проанализировать процесс становления либеральных партий – первых политических объединений общегерманского масштаба;
- выявить общее и особенное в развитии левого политического либерализма на общегерманском уровне и на уровне отдельных наиболее значимых союзных государств – Пруссии, Вюртемберга, Ганновера, Саксонии и других;
- определить основные этапы эволюции левого политического либерализма, их сущностные характеристики и взаимосвязь с развитием политической системы и государственного строя Германии в вильгельмовскую эпоху;
- дать оценку политического потенциала и перспектив левого политического либерализма после раскола общелиберального движения в эпоху Бисмарка;
- проанализировать место левого либерализма в политической системе Германии в эпоху империализма с особым акцентом на перспективы обновления его политического потенциала за счет формирования массовой социальной базы на основе либерального социализма;
- определить отношение левых либералов к «мировой политике» Германии в вильгельминскую эпоху; их вклад в разработку первых проектов европейской интеграции.

Хронологические рамки исследования: 1858–1918 годы, шесть десятилетий, наполненных социально-экономическим динамизмом, партийно-политическими противоречиями и драматическими поворотами в исторической судьбе Германии, всех немцев и левых либералов. Выбор нижней границы связан с началом регентства кронпринца Вильгельма и наступлением «новой эры» в Пруссии, что создало условия для формирования первых политических объединений общегерманского масштаба с активным участием левых либералов. Верхняя граница – отречение Вильгельма II, крах империи Гогенцоллернов и распад всей партийно-политической системы Второго рейха. Используемое применительно к этому времени определение «вильгельмовская Германия» при всей его условности представляется вполне уместным, поскольку оба монарха выступали олицетворением германского государственного строя, в рамках которого действовали левые либералы. При этом необходимо отделять это определение от употреблявшегося в немецкой историографии термина «вильгельминская эпоха», который применяется исключительно для характеристики периода личного правления последнего германского кайзера.

Территориальные рамки исследования охватывают пространство Германского союза (до 1867 года), Северогерманского союза (1867–1871 годы) и Германской империи (1871–1918 годы).

Теоретические и методологические принципы. Методологическим основанием данного диссертационного исследования является разработанная в трудах выдающихся немецких социологов и историков рубежа XIX–XX веков М. Вебера, Э. Трельча, Г. Зиммеля концепция «исторической науки о культуре». Эта концепция восходит к общефилософским основаниям, предложенным в конце XVIII в. И. Кантом. В ее основе лежит убеждение в неизбежной субъективности исторического познания, вовлеченности самого историка с его персональным культурным опытом в процесс познания и историчности этой субъективности. Суть этого подхода заключается в интерпретации исторических фактов и событий как явлений культуры. Видными его представителями в современной немецкой историографии являются Я. Ассман и О. Г. Эксле.

В этой связи для данного исследования особое значение имеет понятие «политической культуры». Данный термин был впервые введен в оборот И. Г. Гердером в конце XVIII в., а в рамках современной политической науки он получил глубокое концептуальное раскрытие в трудах американских политологов Д. Алмонда, С. Вербы и Г. Пауэлла. Их классическое определение гласит: политическая культура – это совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение. Политическая культура предстает здесь как структура ориентации, в которую включены: знания о политической системе, ее функциях, решениях и действиях; чувства относительно политической системы и политических деятелей, эмоциональные ориентации.

Данная концепция политической культуры призвана объяснить тот факт, что сходные по форме политические системы и их институты в разных странах функционируют по-разному. Существенный вклад в развитие данного подхода внесли отечественные специалисты Ю. С. Пивоваров, Б. С. Орлов и другие. Этот подход позволяет понять особенности немецкого либерализма вообще и место левого либерализма в кайзеровской Германии в частности. В Германии эта концепция с успехом используется выдающимся политологом Г. Зонтхаймером, который при характеристике исторической эволюции политической культуры Германии выделяет пять архетипических традиций: этатизм, аполитичность, идеализм, боязнь конфликтов и формализм. Все они в полной мере проявились и в деятельности левых либералов.

В работе была использована обладающая большим исследовательским потенциалом концепция «милье», одна из старейших в социологии. Она была введена в оборот Эмилем Дюркгеймом в 1893 г. для обозначения групп акторов в масштабе всего общества. Дюркгейм определял социальную среду через сплоченность или разобщенность на двух уровнях: на основе отношений между членами группы (родственные связи, территориальное соседство или профессиональная корпорация) и через образование общего корпуса моральных правил, вкуса, стиля жизни и хабитуса⁵. Известный современный немецкий социолог М. Р. Лепсиус выдвинул тезис о том, что относительно стабильная партийная система кайзеровской Германии покоилась на постоянстве определенных «социально-моральных милье». Под ними Лепсиус понимает «социальные единицы, которые при сосуществовании множества структурных измерений, таких как религия, региональные традиции, состояние хозяйства, культурные ориентации, образуют очевидно специфическое объединение промежуточных групп. Милье – это социо-культурное образование, которое благодаря специфическому сочетанию таких измерений принимается определенными группами населения»⁶. По Лепсиусу четыре таких милье оказывали влияние на немецкое общество в империи и одновременно фрагментировали немецкую партийно-политическую систему: аграрно-протестантское, которое объединяло консерваторов; городское буржуазное протестантское, которое привлекало либералов; городское протестантское рабочее, из которого набирались сторонники социал-демократии; католическое, формировавшее ряды партии центра. Согласно такому подходу слабость немецкого либерализма была обусловлена особенностями его социально-морального милье. В от-

⁵ См.: *Фестер М.* Социальные милье, классы и стили жизни в Западной Германии / Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. Под ред. *В. Воронкова, М. Соколова.* СПб, 2008. С. 25–43.

⁶ *Lepsius M. R.* Parteiensystem und Sozialstruktur. Zum Problem der Demokratisierung der Deutschen Gesellschaft / *Deutsche Parteien vor 1918.* Hrsg. von G. A. Ritter. Köln, 1973. S. 68.

личие от других либерализм не располагал особо прочным политическим фундаментом и не был прочно укоренен ни в одной субкультуре.

Одним из плодотворным методов исследования стал историко-биографический. В духе «биографического протокола» Х. Арендт выдержаны четвертая и пятая главы, посвященные лидерам левых либералов – О. Рихтеру и Ф. Науману. «Ситуация человека» – главное философское произведение Х. Арендт – посвящено разграничению трех основных типов человеческой активности: труда, работы и действия, с упором на последнее, которое, в понимании автора, составляет саму суть и основу политики. Х. Арендт развивает здесь ключевые положения работы К. Шмитта «Понятие политического», где понятие «власти» выводится за пределы политики в традиционном ранкеанском смысле слова. В «биографическом протоколе» исследуется спектр возможностей и выборов действующих лиц, важным становится выявление его семейных связей, определявших становление личности.

Научная новизна диссертации определяется обращением к неисследованной ни в отечественной, ни в зарубежной историографии проблеме – истории немецкого левого либерализма как явления политической культуры вильгельмовской Германии. На основе комплексного изучения неопубликованных и опубликованных документальных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, определены исторические условия становления идеологии и практики левого политического либерализма, оригинальный характер его национальной специфики. Выявлены основные качественные этапы эволюции немецкого левого политического либерализма, их взаимосвязь с периодами исторического развития Германии и Европы в середине XIX – начале XX веков. Установлено, что немецкий левый политический либерализм в вильгельмовской Германии представлял собой не только неотъемлемую часть политического ландшафта этой страны, но и уникальное явление в рамках политической традиции всего Запада, не имевшее аналогов в других странах. Левый политический либерализм выделился из общего либерально-демократического движения, стал самостоятельным течением с собственной идеологией, программатикой, политической организацией, социальным и электоральным базисом, и был представлен во всех парламентах земельного и имперского уровня. Доказано, что лидеры левого либерализма внесли существенный вклад в развитие теории и практики конституционализма и парламентаризма в Германии, в формирование интеграционистских проектов европейского масштаба.

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования**:

- левый политический либерализм представлял собой неотъемлемую часть партийно-политической системы и политической культуры Германии во второй половине XIX – начала XX в.;

- немецкий левый политический либерализм представляет собой уникальный политический феномен, не имеющий аналогов в политической истории стран Запада второй половины XIX – начала XX в.;

- левый политический либерализм сыграл решающую роль в становлении и эволюции традиций гражданского общества, правового государства и плюралистической политической культуры Германии;

- в своем развитии немецкий левый политический либерализм прошел три качественных этапа: 1. период его становления в рамках общего либерально-демократического движения (1859–1867 гг.); 2. «классический» период принципиальной оппозиции государству Бисмарка на принципах конституционно-правового государства и свободной рыночной экономики (1860–1880-е гг.); 3. период империализма, сочетавший в себе стремление левых либералов к обновлению за счет создания массовой социальной базы и принципиальной поддержки германской «мировой» политики (1890-е – начало XX в.);

- крах кайзеровской Германии является свидетельством не слабости левого либерализма, а ограниченных возможностей самого общества и государства к самореформированию; в исторических условиях, когда монархия, опиравшаяся на альянс «ржи и стали», так и не смогла адаптироваться к вызовам формирующегося массового общества.

Практическая значимость исследования. Конкретно-исторический материал и некоторые теоретические положения диссертации могут быть использованы в рамках исследования проблематики политической истории Германии на исходе нового времени, истории конституционализма, идейно-политических течений, истории политического либерализма и его места в политической культуре, в том числе в компаративном ключе. Результаты исследования найдут место в преподавании учебных курсов по новой истории стран Запада, истории Германии, истории политических и правовых учений, политологии.

Апробация результатов. Различные аспекты проблематики диссертационного исследования нашли отражение в 26 опубликованных работах, в их числе одна монография, одно учебное пособие, семь статей в высокорейтинговых рецензируемых периодических изданиях. Отдельные положения работы были изложены в докладах и сообщениях в ходе научных мероприятий, в том числе международных и всероссийских конференциях «Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время» (Екатеринбург, 1998), «Историческая наука на рубеже веков» (Екатеринбург, 1999), «Германия и Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия» (Екатеринбург, 1999), «Региональные истории и толерантность в обществе» (Екатеринбург, 2003), «Россия – Крым – Балканы: диалог культур» (Севастополь, 2004), «Интеллектуальная история: метод и перспективы» (Екатеринбург, 2005), «Историк и его эпоха. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти проф. В. А. Данилова» (Тюмень, 2007), «Россия и мир: панорама исторического развития»

(Екатеринбург, 2008), «Национальные историографические практики: уникальное и универсальное» (Екатеринбург, 2009), «Образы Нового времени» (Аугсбург, 2010), «Европа в меняющемся мире» (Екатеринбург, 2010), «Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.)» (Екатеринбург, 2010), «Фридрих Науман в его эпоху» (Берлин, 2011). Диссертация обсуждалась на кафедре новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета и была рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования определяется целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключение, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование темы диссертации, объясняется ее актуальность, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, формулируются цели и задачи работы, обозначается ее методологическая основа, дается частичная характеристика степени изученности темы и насыщенности источников, необходимых для заявленного исследования. Здесь же уточняется используемый категориальный аппарат, использующийся в диссертации при анализе левого политического либерализма в вильгельмовской Германии.

Первая глава исследования «Немецкий политический либерализм вильгельмовской эпохи в исторических исследованиях» посвящена обзору наиболее важных источников и исследований, использованных при написании диссертации.

В **первом параграфе первой главы** «Источники по истории немецкого левого политического либерализма» дан развернутый анализ источников по теме исследования. Отмечена специфика формирования источниковой базы исследования, связанная с традицией партикуляризма в Германии на федеральном, земельном и муниципальном уровне. Дана характеристика фондов Федерального архива ФРГ (г. Берлин): «Национальный союз», «Свободомыслящий союз», «Прогрессивная народная партия», «Рудольф фон Беннигсен», «Фридрих Науман», «Франц Август Шенк фон Штауфферберг»⁷. Дан анализ некоторым документам по истории леволиберальных партий рассматриваемого периода находящихся в Архиве прусского культурного наследия в Берлине (Geheimes Staatsarchiv Preußischer

⁷ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8031 – Deutscher Nationalverein; Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8006/1 – Wahlverein der Liberalen (Freisinnige Vereinigung); Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8006 – Fortschrittliche Volkspartei; Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. N 2350 – Nachlass Rudolf von Bennigsen; Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. N 3001 – Nachlass Friedrich Naumann; Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. N 2292 – Nachlass Franz August Schenk von Stauffenberg.

Kulturbesitz) и Архиве либерализма Фонда Фридриха Наумана в городе Гуммерсбах (Archiv des Liberalismus Friedrich Naumann Stieftung für die Freiheit).

Характеристика опубликованных источников выполнена в соответствии с их видовой принадлежностью. Источники законодательного характера представлены германскими конституциями⁸, а также имперским законом о союзах 1908 года⁹, таможенным законодательством 1878–1881 годов¹⁰, «исключительным законом против социалистов» 1878 года¹¹, законодательством «государственного социализма»¹² Бисмарка середины – второй половины 80-х годов XIX века. Парламентские документы представлены стенографическими отчетами заседаний палаты представителей Прусского ландтага, Германского рейхстага за 1871–1900 годы¹³. Анализ программных документов политических леволиберальных партий занял в

⁸ Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 г. / Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия. Сборник документов под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957. С. 548–558; Конституция Северо-Германского союза 16 апреля 1867 г. / Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Екатеринбург, 2006. С. 119–140; Конституция Германской империи 16 апреля 1871 г. / Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Екатеринбург, 2006. С. 141–163; Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat vom 31. Januar 1850 / Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. von E. R. Huber. Bd. 1. Deutsche Verfassungsdokumente 1803–1850. Stuttgart, 1978. S. 104.

⁹ Das Reichsvereinsgesetz vom 19. April 1908, unter Benutzung der amtlichen Quellen, nebst einem Anhang, enthaltend die Vorschriften des Bürgerlichen Gesetzbuches über die Vereine, und preußischen Ausführungsverordnung. Berlin, 1908.

¹⁰ Gesetz, betreffend den Zolltarif des Deutschen Zollgebiets und den Ertrag der Zölle und der Tabacksteuer / Deutsches Reichsgesetzblatt. 1879. № 27. S. 207–244; Gesetz, betreffend die Abänderung des Zolltarifs des deutschen Zollgebiets / Deutsches Reichsgesetzblatt. 1880. № 13. S. 120.

¹¹ Из «Закона против общественно опасной деятельности социал-демократии» (21 октября 1878 года) / История Германии: учебное пособие. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 3. М., 2008. С. 264–268; Gesetz gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie vom 21. Oktober 1878 / Dokumente zur Deutschen Verfassungsgeschichte. In 5 Bde. Hrsg. von E. R. Huber. Bd. 2. Deutsche Verfassungsdokumente 1851–1900. Stuttgart, 1986. S. 464–469.

¹² Из Закона о страховании рабочих в случае болезни (1883 г.) / История Германии: учебное пособие. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 3. М., 2008. С. 276; Из Закона о страховании от несчастных случаев (1884 г.) / История Германии: учебное пособие. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 3. М., 2008. С. 277; Из Закона о страховании по инвалидности и старости (1889 г.) / История Германии: учебное пособие. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 3. М., 2008. С. 277–278.

¹³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preußischen Hauses der Abgeordneten. 1861. Berlin, 1861–1866; Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Berlin, 1871–1900.

параграфе особое место¹⁴. Как важные для раскрытия темы показаны массовые источники, прежде всего, пресса. В качестве наиболее информативных выступают издававшаяся О. Рихтером «*Freisinnige Zeitung*» («Свободомыслящая газета») и журнал Ф. Наумана «*Die Hilfe*» («Помощь»)¹⁵. Публицистика заняла в источниковобой базе исследования ключевое положение, дана характеристика наиболее значимых публицистических сочинений О. Рихтера¹⁶ и Ф. Наумана¹⁷. Существенное значение имеют работы политических соратников и попутчиков по левому либерализму, таких как Г. Шульце-Делич, Л. Паризиус, Т. Барт и др.¹⁸, а так же их политических противников из левого лагеря А. Бебеля, Ф. Энгельса, Ф. Меринга, В. И. Ленина¹⁹. В качестве источников личного происхождения были привлечены воспоминания и дневники Бисмарка, А. Бебеля, промышленника-предпринимателя Сименса и др.²⁰. В параграфе показана репрезентативность источниковой базы и доказывается ее достаточность для проведения комплексного анализа левого политического либерализма в вильгельмовской Германии.

В параграфе втором «Немецкий либерализм в отечественной и зарубежной историографии» дан развернутый анализ основных тенденций и дискуссионных проблем в изучении немецкого политического либерализ-

¹⁴ Erklärung freisinniger Vaterlandsfreunde vom 19. Juli 1859 / Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von R. Buchner, W. Baumgart. Bd. V. Darmstadt, 1977. S. 172–174; Deutsche Fortschrittspartei, Programm vom 25. November 1878 / Die deutschen Parteiprogramme. Hrsg. von F. Salomon. Heft 2. Im Deutschen Kaiserreich 1871–1918. Leipzig, Berlin, 1932. S. 37–38; Gründungsprogramm der Deutschen Fortschrittspartei vom 9. Juni 1861 / *Treue W.* Deutsche Parteiprogramme seit 1861. Göttingen, 1968. S. 62–63; Berliner Einigungsprogramm der Fortschrittlichen Volkspartei 1910 / *Salomon F.* Die deutschen Parteiprogramme: von Erwachen des politischen Lebens in Deutschland bis zur Gegenwart. Heft 2. Im deutschen Kaiserreich 1871–1918. S. 101–105.

¹⁵ Freisinnige Zeitung. 1885–1904; Die Hilfe. 1896–1912.

¹⁶ ABC-Buch für freisinnige Wähler. Berlin, 1881; *Richter E.* Sozialdemokratische Zukunftsbilder. Frei nach Bebel. Berlin, 1907; *Pухтер E.* Социально-демократические картины будущего в Германии: Вольное сатир. подражание Бебелю. СПб., 1893.

¹⁷ *Naumann F.* Demokratie und Kaisertum. Ein Handbuch für innere Politik. Berlin, 1900; *Науман Ф.* Демократия и императорская власть. М., 1907; *Науман Ф.* Срединная Европа. М., 1918.

¹⁸ *Barth T.* Richter / Politische Porträts. Berlin, 1923; *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien und das Ministerium Bismarck. Ein Beitrag zur vaterländischen Geschichte. Berlin, 1878; *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Hrsg. von F. Thorwart. In 5 Bde. Berlin, 1911.

¹⁹ *Ленин В. И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса» / ПСС. Т. 5. С. 94–268; *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский / ПСС. Т. 37. С. 249–339; *Mehring F.* Gesammelte Schriften. In 15 Bde. Bd. 14. Politische Publizistik 1891 bis 1914. Berlin, 1964; Bd. 15. Politische Publizistik 1905 bis 1918. Berlin, 1966.

²⁰ См.: *Бисмарк О. фон.* Мысли и воспоминания. В 3 тт. Т. 1. М., 1940. С. 270; *Bebel A.* Aus meinem Leben. Frankfurt am Main, 1910; *Siemens W.* Lebenserinnerungen. München, 1966; *Bamberger L.* Bismarcks großes Spiel. Die geheimen Tagebücher Ludwig Bambergers. Hrsg. von E. Feder. Frankfurt am Main, 1932.

ма в целом. Историографическая традиция изучения темы либерализма в самой Германии насчитывает уже целый век. Именно столько времени прошло с момента выхода первого обширного, насыщенного фактографией двухтомного труда по истории немецкого либерализма О. Клейн-Гаттингена²¹.

Необходимо учесть, что при характеристике немецкого либерализма до сих пор доминируют две популярные историографические традиции, зародившиеся еще в конце XIX века. Первая из них восходит к одному из столпов малогерманской школы Генриху фон Трейчке и его высказыванию о том, что немецкий либерализм берет свое начало в теориях ученых, а не в интересах социального класса²². Это суждение до сих пор оказывает влияние на российских историков и почти буквально ими воспроизводится. Так, в единственной на сегодняшний день обобщающей работе по истории западного либерализма, раздел, посвященный Германии и написанный А. И. Патрушевым начинается утверждением, что «В Германии выразителем либерализма выступал сравнительно узкий круг интеллигенции, прежде всего – университетской профессуры. В студенческих аудиториях, на страницах историко-философских книг и журналов дискутировались наиболее актуальные общественно-политические проблемы. Не политические деятели, а историки и философы оказывали определяющее влияние на формирование общественного сознания в стране»²³. В новейшем трехтомном издании по истории Германии характеристика немецкого либерализма начинается словами: «Во-первых, он (германский либерализм – Н. Б.) долго ориентировался не на практическую деятельность, а на идеи, теории, принципы и, как следствие, отличался доктринерством»²⁴.

Вторая традиция восходит непосредственно к марксистской интерпретации идейно-политических явлений как функции социальных интересов. Она была единственно возможной в рамках советской исторической науки, а в середине XX века под влиянием успехов социальной истории и особенно социально-критической школы была воспринята на Западе. Американский историк Т. Хемироу заявлял, что либерализм надо рассматривать как идеологическое выражение интересов предпринимательской буржуазии²⁵. Авторитетный немецкий исследователь Т. Шиллер в издании для широкой публики отметил: «Наша отправная точка – универсально приня-

²¹ См.: *Klein-Hattingen O. Geschichte des deutschen Liberalismus. In 2 Bde. Berlin, 1911, 1912.*

²² См.: *Sheehan J. Liberalismus und Gesellschaft in Deutschland 1815–1848 / Liberalismus. Hrsg. von Lh. Gall. Königstein/Ts., 1985. S. 208–209.*

²³ *Патрушев А. И. Пути и драмы немецкого либерализма. С. 74.*

²⁴ *История Германии: учебное пособие. В 3 тт. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи. М., 2008. С. 443–444.*

²⁵ См.: *Hamerow T. Restoration, Revolution, Reaction: Economics and Politics in Germany 1815–1871. Princeton, N. Y., 1958. P. 58.*

тое заключение, что обусловленные социальной ситуацией интересы буржуазии стали основанием классического либерализма»²⁶.

Первым из немецких историков, кто осмелился на масштабное обобщение истории либерализма в Германии XIX столетия, стал Д. Лангевие. Еще в 1974 году он опубликовал сравнительное исследование по истории либеральных и демократических движений середины XIX века на материале королевства Вюртемберг²⁷. В 1988 г. вышла его сравнительно небольшая по объему, но весьма содержательная монография «Либерализм в Германии»²⁸.

На рубеже XX–XXI веков заметной вехой в историографии немецкого либерализма стал выход наиболее авторитетных исторических журналов, посвященных этой теме. В 1997 году под редакцией Л. Галя увидел свет специальный выпуск старейшего в Германии и Европе, выходящего с 1859 года «Исторического журнала». В современной немецкой историографии, по мнению Л. Галя, либерализм и буржуазное общество являются ключевыми категориями в контексте изучения последних двух столетий истории Германии и Европы²⁹. Практически нет ни одного исследовательского поля, которое в той или иной степени не соприкасалось бы с ними. Это обстоятельство обуславливает особую динамику развития исследований либерализма, которая позволяет при обновлении перспектив обнаруживать все новые аспекты.

В третьем параграфе первой главы «Левый либерализм как историографическая проблема» основным тезисом является утверждение о том, что левый либерализм вообще до сих пор находится на периферии исследовательских интересов. Левые либералы воспринимались и воспринимаются во многом как незначительное, маловлиятельное внутренне гетерогенное движение без четких внешних границ. В советской историографии левым либералам кайзеровской Германии была посвящена единственная статья А. Б. Цфасмана³⁰. Показательной является исследовательская ситуация, связанная с именами двух наиболее авторитетных лидеров левого немецкого либерализма – Ойгена Рихтера и Фридриха Наумана. О. Рихтер оказывается явно «в тени» своего младшего современника. В России он удостоился энциклопедической статьи в словаре Брокгауза и Эфрона, но в историографии до сего дня лишь глухо упоминается как лидер прогрессистов и свободомыслящих³¹. В Германии основы историографической тра-

²⁶ Schiller T. Liberalismus in Europa. Baden-Baden, 1979. S. 19.

²⁷ См.: Langewiesche D. Liberalismus und Demokratie in Württemberg zwischen Revolution und Reichsgründung. Düsseldorf, 1974.

²⁸ См.: Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988.

²⁹ См.: Gall L. Vorwort // Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 17. S. VII–X.

³⁰ См.: Цфасман А. Б. Левый либерализм в Германии: его эволюция в начале XX века. / Ежегодник германской истории 1979. М., 1980. С. 232–254.

³¹ См.: Рихтер Евгений / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXVI А (52). Спб., 1899. С. 824–825.

диции изучения личности Рихтера были заложены его современниками историком Ф. Рахфалем и издателем Л. Ульштейном³². Их работы, написанные во многом на основе личных впечатлений, можно рассматривать также и в качестве исторических источников. В ГДР Рихтеру был посвящен небольшой очерк в двухтомном сборнике «Образы бисмарковского времени». Автор очерка Г. Зеебер представил Рихтера олицетворением заката немецкого либерализма³³. Единственным монографическим исследованием остается книга И. С. Лоренц³⁴. Автор скептически судит о Рихтере. Только в 2006 году в рамках рабочей группы по исследованию истории либерализма при фонде им. Ф. Наумана был организован colloquium «Ойген Рихтер и либерализм его времени», посвященный 100-летию со дня смерти Рихтера. Таким образом, личность О. Рихтера практически неизвестна в российской историографии. В немецкой исторической науке его образ остается противоречивым. При анализе личности и деятельности Рихтера преобладают стереотипы и штампы вековой давности. До сих пор, несмотря на некоторые позитивные сдвиги последних лет его историческая роль не получила адекватной оценки.

Личность Ф. Наумана занимает особое место в литературе о либерализме вообще, левом либерализме в частности, а также в исследованиях о социал-либерализме и либеральном империализме. Первый опыт создания библиографии работ о Наумане – справочник А. Милаца, вышедший в 1957 году, показывает, что к его личности и творчеству, как правило, обращались современники, которые были связаны с ним дружескими отношениями³⁵. Самый заметный пример – биографический очерк, написанный коллегой Наумана по созданной им партии – Национал-социальному союзу – пастором М. Венком и изданный в 1920 году³⁶. Первым серьезным биографом Ф. Наумана стал Т. Хейс, его политический ученик, единомышленник, соратник по журналу «Die Hilfe» («Помощь») и Немецкой демократической партии. В целом же историография, посвященная Науману, весьма богата на сюжеты и методологические подходы. Становление мировоззрения Наумана проанализировал В. Геггельманн³⁷. С позиций интеллектуальной истории он фактически рассматривает состояние евангелической этики на рубеже XIX–XX веков. Отдельную категорию составляют

³² См.: *Rachfahl F.* Eugen Richter und der Linksliberalismus im Neuen Reich // *Zeitschrift für Politik*. 1912. Bd. 5. № 2–3. S. 261–374; *Ullstein L.* Eugen Richter als Publizist und Herausgeber: Ein Beitrag zum Thema “Parteipresse”. Leipzig, 1930.

³³ См.: *Seeber G.* Eugen Richter – Liberalismus im Niedergang / *Gestalten der Bismarckzeit*. Hrg. von G. Seeber. In 2 Bde. Band 2. Berlin, 1986. S. 302–324.

³⁴ См.: *Lorenz I. S.* Eugen Richter. Der entschiedene Liberalismus in wilhelminische Zeit 1871 bis 1906. Husum, 1980.

³⁵ См.: *Milatz A.* Friedrich-Naumann-Bibliographie. Düsseldorf, 1957. S. 99–106.

³⁶ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. Berlin, 1920.

³⁷ См.: *Göggelmann W.* Christliche Weltverantwortung zwischen sozialer Frage und Nationalstaat. Zur Entwicklung Friedrich Naumanns 1866–1903. Baden-Baden, 1987.

работы О. Леверенца и Д. Кляйнманна, посвященные деятельности Наумана как протестантского богослова³⁸. Особый интерес представляют монографические исследования Ю. Криста и Ш.-Г. Шнорра³⁹. Эти авторы анализируют принципы, которыми Науман руководствовался в своей общественно-политической деятельности, дают представление о системе его взглядов на основании его крупных работ. При этом Ю. Криста можно отнести к той группе исследователей, которые расценивают Наумана как видного основоположника либерально-демократических идей в Германии, в то время как Ш. Г. Шнорр как минимум констатирует противоречие между его либеральными внутриполитическими взглядами и дарвинистским пониманием внешней политики.

Исследования, посвященные Национал-социальному союзу оценивают социальные достижения политического либерализма достаточно высоко. Д. Дюдинг подчеркнул оригинальный характер попыток Наумана добиться объединения реформистского крыла социал-демократов, социальных левых либералов и даже социально ориентированных национал-либералов, чтобы при помощи партийно-политических механизмов преодолеть самые острые социальные напряжения в рейхе⁴⁰.

Во **второй главе** «Становление политического либерализма и первые либеральные партии в Германии (конец 1850-х – 1860-е годы)» дан анализ процесса идеологического и организационного оформления первых общегерманских политических объединений – Национального союза, партий прогрессистов и (южно)немецкой народной партии. Все эти партии имели ярко выраженный леволиберальный характер.

В **параграфе первом второй главы** «"Новая эра" в Пруссии и формирование либерального движения за национальное единство Германии» показана выработка первых общегерманских программных документов связанных с двумя значимыми историческими событиями, произошедшими почти одновременно в конце 50-х годов XIX века. Решающим внутриполитическим фактором общегерманского значения стало начало «новой эры» в Пруссии. Важным внешним мотивом стал успех Пьемонта в деле национально-государственного объединения Италии при поддержке Франции против Австрии. Эти события стимулировали сплочение либералов во имя достижения национального единства.

³⁸ *Lewerenz O.* Zwischen Reich Gottes und Weltreich: Friedrich Naumann in seiner Frankfurter Zeit. Heidelberg, 1993. 282 S; *Kleinmann D.* Friedrich Naumann (1860–1919) / Protestantische Profile. Königstein/Ts, 1983. S. 267–285.

³⁹ *Christ J.* Staat und Staatsraison bei Friedrich Naumann. Heidelberg, 1969; *Schnorr S.G.* Liberalismus zwischen dem 19. und 20. Jahrhundert: Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse. Baden-Baden, 1990.

⁴⁰ См.: *Düding D.* Der Nationalsoziale Verein 1896–1903. Der gescheiterte Versuch einer parteipolitischen Synthese von Nationalismus, Sozialismus und Liberalismus. München, 1972.

В так называемом втором собрании либералов в Эйзенахе принял участие 31 человек, в основном из северных и центральных немецких государств. Немецкий юг был представлен двумя делегатами из Дармштадта, одним из Нюрнберга и одним из Гейдельберга. На основе двух предшествующих документов 14 августа 1859 года собрание приняло новое заявление, которое вскоре было опубликовано либеральной прессой⁴¹. По спорному вопросу, нужно ли немедленно передать Пруссии руководство всей Германией был найден компромисс. Вместо временной передачи военно-дипломатических функций Пруссии, как это значилось в первом эйзенахском заявлении, теперь требовали передачи ей таких функций, только «если в ближайшее время Германия вновь будет испытывать непосредственную угрозу извне»⁴².

В остальном существенных отличий от предыдущих заявлений не было. Добавился только призыв ко всем либералам и демократам: «От всех друзей немецкого отечества, принадлежат ли они демократической или конституционной партии, мы ожидаем, что национальную независимость и единство они поставят выше партийных требований и будут сообща единодушно и упорно содействовать созданию сильной конституции Германии»⁴³. Такая идея национального сплочения различных идейно-политических течений оказалась весьма привлекательной и в ближайшие годы завоевала много сторонников, но она потеряла свою притягательную силу, как только Бисмарк сделал первые шаги к объединению в духе либералов. Старые противоречия между двумя главными направлениями оппозиционного движения в Германии – либералами («половинчатыми») и демократами («цельными»), которые отходили на задний план перед их общими национальными устремлениями – вновь выступили на первый план и привели к расколу большой либеральной партии и роспуску Национального союза в 1867 году.

В южногерманских государствах отделение демократов от либералов состоялось еще раньше, поскольку многие деятели оппозиции там отклоняли либеральную политику объединения под руководством Пруссии. В августе и сентябре 1859 года значительное число сторонников поставили свои подписи под Эйзенахской программой. Но эта кампания была успешной преимущественно на севере и в центре Германии. В Бадене, Вюртемберге и Баварии этот документ подписали очень немногие. Там все еще возлагали надежды на великогерманский вариант объединения и не желали признать руководящую роль Пруссии в этом процессе. Авторитетные либеральные политики с севера и юга тем не менее надеялись найти взаимопонимание и предложили созвать новое собрание 15–16 сентября 1859 года во Франкфурте-на-Майне. Оно состоялось по приглашению Г. Шуль-

⁴¹ См.: *Zeitung für Norddeutschland*. 1859. 30. August.

⁴² *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte*. Hrsg. von E. R. Huber. In 5 Bde. Bd 2. *Deutsche Verfassungsdokumente 1851–1900*. Stuttgart, 1986. S. 104.

⁴³ *Ibid.* S. 105.

це-Делича и Р. фон Беннигсена и стало известно как Учредительное собрание Немецкого национального союза с участием 150 либералов и демократов из всех немецких земель. В нем участвовали в частности Р. фон Беннигсен, Й. Микель и Г. Планк из Ганновера, Рейшер и Гельдер из Штутгарта, Миттермейер, К. Велькер и фон Рохау из Гейдельберга, Эткер из Касселя, Метц из Дармштадта, Братер из Мюнхена, М. Вирт из Франкфурта, Фриз из Веймара, Геринг из Эйзенаха, Бемерт из Бремена и прусские либералы Г. В. фон Унру, О. Люнинг, А. Летте.

Примечательно незначительное участие представителей Пруссии: отсутствовали так называемые «старолиберальные» депутаты Прусского парламента, такие как барон Г. фон Финке. Зато было значительным представительство участников Конгресса немецких экономистов (Бемерт, Летте, Миттермейер, Вирт, Велькер). Большинство политиков были депутатами парламентов своих государств и по примеру прусской партии прогрессистов создателями собственных небольших либеральных партий. Демократов представляли Г. Фейн из Цюриха, Л. Зоннеман из Франкфурта, Ф. Штрейт из Кобурга, Ф. Дункер, Г. Шульце-Делич и А. Штрекфус из Пруссии (все из Берлина).

По сравнению с либералами демократы были в очевидном меньшинстве. На этом собрании дело дошло до острых дискуссий об Эйзенахской программе. Представители северной Германии стремились сохранить ее в неизменности, представители южной Германии настаивали на изъятии тех положений, которые предполагали при определенных обстоятельствах передачу руководства Пруссии. Даже тот аргумент северогерманцев, что обязательно должно быть единство по вопросу о создании центральной власти – так как если партия стремится быть действенной, ей необходима ясная программа, – не мог убедить южных немцев. В конце концов, пришлось ограничиться заявлением о том, что «обсуждалась необходимость создания общегерманской центральной власти без обозначения ее носителей»⁴⁴. Тем самым наиболее важный и решающий вопрос остался открытым. В отличие от итальянского Национального союза, который ясно и решительно высказался за руководство Пьемонта, представители немецкого либерального движения не смогли принять окончательного решения по вопросу о центральной власти.

Во **втором параграфе второй главы** «Немецкий Национальный союз» дан анализ программы союза. В ней содержался призыв к «единству и свободному развитию общего большого Отечества»⁴⁵. Уже к началу конституционного конфликта в Пруссии комитет Национального союза приостановил платежи в Берлин. В трех пунктах программы сообщалось каких

⁴⁴ Цит. по: *Eisfeld G. Die Entstehung der liberalen Parteien in Deutschland. 1858-1870. Studie zu den Organisationen und Programmen der Liberalen und Demokraten. Hannover, 1969. S. 33.*

⁴⁵ *Deutschland – Italien 1850-1871. Zeitgenössische Texte. Hrsg. von D. Stübler. Leipzig, 2007. S. 144.*

депутатов они хотели бы избрать: они не должны были «принадлежать к экстремистским партиям ни в политическом, ни в конфессиональном смысле». Но приветствовалось стремление к «умеренному прогрессу в либеральном смысле»⁴⁶. Это означало придерживаться конституционных взглядов и в мирное время добиваться того, чтобы военные расходы соответствовали способности поданных платить налоги. Так, например, 18 января 1861 года состоялось собрание членов Национального союза Гольштейна в Киле⁴⁷.

Это собрание и принятые там политические заявления стали основанием для запрета Национального союза в Гольштейне и Лауэнбурге. Многочисленные запреты, придирки и преследования создавали препятствия для расширения организации и агитации, особенно плохо обстояли дела у приверженцев Национального союза в Гессене и королевстве Ганновер. В Гессене они боролись против «врага Пруссии» и «врага свободных национальных устремлений» министра-президента Р. фон Дальвига. Сразу после создания Национального союза правительство Гессен-Дармштадта провело дисциплинарное расследование и добивалось тюремного заключения членов союза. Дармштадские адвокаты Надворного суда К. Гофман и А. Мец, которых называли «душами нового либерального движения в Гессене», успешно защищали себя в суде и избежали уголовного наказания⁴⁸.

В январе 1860 года был конфискован 52 номер «Гессенской утренней газеты», которая под редакцией Ф. Эткера из Касселя осторожно распространяла информацию о важности Национального союза. За это газета была осуждена Криминальным сенатом Верховного суда, который постановил, что она получит разрешение на выход только, если откажется от поддержки союза, который получил регистрацию в другом союзном государстве, а правительство Гессена не обязано «следить за имеющей место пребывания на территории другого союзного государства организации»⁴⁹. Это была победа либералов. Р. фон Дальвиг пытался противодействовать Национальному союзу на уровне Германского союза. Однако зимой 1861 года союзный совет отклонил его требование запретить деятельность союза.

В созданной для разбора этого дела комиссии по расследованию решающую роль сыграли представители Пруссии, которые высказались против запрета союза⁵⁰. Несмотря на дальнейшие проiski, Национальный союз увеличивался численно и рос, поскольку многие немцы испытывали неприязнь к «мелкодержавному реакционному господству». Даже событие, которое имело место в мае 1861 года в Гессене и вызвало большое брожение умов, когда полиция, жандармы и линейные войска разогнали посети-

⁴⁶ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 24.

⁴⁷ Westfälische Zeitung. 18. Januar 1861.

⁴⁸ См.: Heß A. Die Landtags- und Reichstagswahlen im Großherzogtum Hessen, 1865-1871. Oberursel (Taunus), 1957. S. 43-45.

⁴⁹ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 8.

⁵⁰ См.: Heß A. Op. cit. S. 43.

телей трактира, среди которых был адвокат Мец, проводивший там тайное собрание, не могло помешать расширению национального движения.

В 1863 году Национальный союз даже пытался открыто выступить против Пруссии, когда выдвинул собственную программу по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Национальный союз проявил свой полный разрыв с прусской гегемонией даже в том, что только всегерманский парламент должен определить будущего носителя центральной власти, а его правление отвергло предложения Бисмарка о реформе союза от 9 апреля 1866 года. Между тем, как только Пруссия летом 1866 года на самом деле провела свою союзную реформу, Национальный союз был уничтожен. Перед лицом такого неожиданного изменения вещей Национальный союз осенью 1867 года формально самораспустился⁵¹. Располагая в 1862 году свыше 25 тыс. членами и многими влиятельными позициями в массовых организациях, таких как спортивные или стрелковые союзы, в 1867 году Национальный союз насчитывал всего 1000 членов. Тем не менее, национал-либеральная партия, которая возникла на его останках, выиграла выборы как в северогерманский рейхстаг в 1867 году, так и в общегерманский в 1871 году.

Организация Немецкого национального союза стала фундаментом для создания либеральных и демократических партий во всех немецких государствах. На это указывает пример многочисленных отделений Национального союза, которые распространились по всей Германии, а также персональная преемственность между руководством союза и руководством новых партий.

В третьем параграфе второй главы «Возникновение либеральных и демократических партий в германских государствах» доказывается, что между либеральными и демократическими партиями, действовавшими в отдельных германских государствах, существовала тесная связь. Их представители встречались на собраниях «Съезда германских депутатов», которые большей частью проходили во Франкфурте-на-Майне. Процесс становления и развития партии прогрессистов в Баварии шел почти так же, как в Пруссии. Она образовалась путем выхода решительных либералов из большой либеральной фракции парламента.

Во внутривнутриполитической жизни Вюртемберга заметно преобладали демократические настроения⁵². Еще в период реакции местные демократы объединились с либералами в Немецкую прогрессистскую партию, которая в середине 60-х годов вновь распалась. Демократы основали Вюртембергскую народную партию, которая развилась до Немецкой народной партии, а либералы остались в старой, получившей название Немецкая партия. С образованием Немецкой народной партии распалась Прогрессистская партия в Вюртемберге. Либералы под руководством Гельдера в качестве реак-

⁵¹ Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd. 14. Leipzig, Wien, 1908. S. 446.

⁵² См.: Eissfeld G. Op. cit. S. 136.

ции на основе Народной партии провозгласили на собрании 8 августа 1866 года создание Немецкой партии. 18 августа того же года в Плохингене была принята программа партии⁵³.

В Бадене национал-либералы преобладали над демократами. В конце шестидесятых годов они смогли создать хорошо организованную партию, в то время как попытка объединения демократов в 1864 году потерпела неудачу. Баденские национал-либералы стремились к созданию общегерманской национал-либеральной партии. Гессенские либералы из симпатии к своим прусским единомышленникам избрали для своей партии аналогичное название – Прогрессистская партия. Партийно-политическое развитие Германии и война 1866 года привели к перестановке политических сил в малых государствах, особенно в Тюрингии⁵⁴. Либералы, которые постоянно, прежде всего, из экономических соображений выступали в пользу национально-государственного единства с воодушевлением встретили создание Северо-Германского союза и объединились в его рейхстаге в одну фракцию вместе с национал-либералами других немецких государств.

В начале шестидесятых годов XIX века в немецких государствах образуются большие либеральные «коалиционные партии». Их деятельность направлена против консервативных правительств. Опирающиеся на образованную буржуазию, поддерживаемые также мелкими ремесленниками, предпринимателями и рабочими, они боролись за участие в государственной политике, которую твердо держали в руках короли, князья и дворянство. Либералы и демократы, которые время от времени противостояли друг другу в 1848 году, объединились в общей оппозиции против реакционных министерств. По образцу большой либерально-демократической Немецкой прогрессистской партии в Пруссии подобные партии возникают в других немецких государствах. Им содействуют Конгресс немецких экономистов и Немецкий национальный союз. Партии прогрессистов призывают свои правительства ускорить объединение Германии и реформировать конституции так, чтобы буржуазия могла принимать большее участие в государственной политике, чем до сих пор.

Процесс создания этих партий можно разделить на три ступени. Во-первых, создавались программы, во-вторых, возникали предвыборные организации, и наконец, постоянные партийные структуры. Парламентарии и свободные граждане поддерживали свою партию, на их организационные формы значительное влияние оказывал Закон о союзах. С одной стороны, они следовали предписаниям: члены партий на местах становились членами центральных избирательных или партийных организаций в своих государствах. Наиболее централизованным был Немецкий национальный союз, который идеологически и организационно поддерживал прогрессистские партии. Однако, немецкая народная партия отклоняла централизованную

⁵³ См.: *Salomon F.* Die Deutschen Parteiprogramme. Heft 1. S. 92.

⁵⁴ См.: *Wyrwol M.* Die parteipolitische Entwicklung der thüringischen Kleinstaaten in den Jahren der Reichsgründung 1859–1871. Jena, 1952.

организацию. Ее сторонники создавали множество автономных, отдельных организаций, которые были достаточно слабо связаны друг с другом.

Либералы были лучше всего организованы на пространстве Северо-Германского союза, в Бадене и Баварии, демократы – в Вюртемберге и Саксонии. Они вели предвыборную борьбу при поддержке земельных комитетов или центральных избирательных комитетов партии, которые занимались распространением листовок, изготовлением плакатов, размещением в газетах статей и предвыборных призывов, созывом собраний.

Сплочению сторонников партии способствовали партийные газеты или сочувствующие им издания. За счет принятия единой программы национал-либералам из различных немецких государств удалось уже в 1870 году объединиться в общегерманскую партию. Подобной демократической партии тогда еще не существовало. С одной стороны, демократы, были ослаблены потерей поддержки со стороны рабочих, с другой стороны, они не могли выработать единую программу.

Наряду с федералистами имелись централисты, либеральным демократам противостояли радикальные демократы. Буржуазные демократы занимали позицию между либералами и социал-демократами. Общая экономическая политика с либералами отделяла их от социал-демократов. Раздробленность либеральных сил облегчала консерваторам задачу по сдерживанию либерально-демократического движения в Германии вплоть до 1918 года.

В главе третьей «Немецкая прогрессистская партия в Пруссии (1861–1867 годы)» реконструируется история создания и деятельности политической организации, которая в эпоху унификации стала ядром всего общегерманского леволиберального движения и сохраняла этот статус вплоть до 1884 года.

В параграфе первом третьей главы «Возникновение партии прогрессистов» показано как на фоне преувеличенных политических ожиданий, связанных с наступлением «новой эры» состоялись выборы в палату представителей прусского ландтага. Либералы с воодушевлением начали предвыборную борьбу, поскольку с правлением «новой эры» связывали надежды на противодействие многочисленным интригам. Повсеместно проходили предварительные собрания предвыборщиков.

В Силезии 12 октября 1859 года группой умеренно-либеральных политиков была принята программа «конституционной партии», подписанная Т. Моммзеном, бароном Г. фон Финке и другими. Она содержала 9 пунктов: введение самоуправления, роспуск вотчинной полиции, устранение существующих освобождений от уплаты основных налогов, принятие закона об ответственности министров, закона о защите прессы, закона о регулировании предпринимательства, свобода исповедания, пересмотр законодательства о допустимости обращения в суд. Важнейшим было требование «обеспечить свободу выборов и утвердить законом избирательные ок-

руга»⁵⁵. Только лучшие стартовые условия могли помочь либералам по-
равнять с изоляцией реакционного времени и добиться восстановления поли-
тического влияния. Эти девять пунктов нашли отклик в других прусских
провинциях, особенно там, где либералы развернули активную деятель-
ность.

Предвыборы очевидно продемонстрировали победу либералов. Ли-
бералы и демократы были весьма удовлетворены результатами выборов. В
большинстве избирательных округов они добились этой победы совмест-
ными усилиями. Однако демократы не могли позабыть об острых столкно-
вениях, которые были у них с либералами в некоторых местах. Вставал во-
прос, как сложатся взаимоотношения обеих политических групп в буду-
щем. Ситуация стала проясняться уже в процессе формирования депутат-
ских фракций. Либералы и демократы поначалу объединялись в различные
группы, но примерно через две недели создали одну большую либераль-
ную фракцию под руководством барона Г. фон Финке.

Между 1858 и 1861 годами два слова играли ключевую роль в поли-
тических дискуссиях: «доверие» и «давление». В течение 1860 года в ли-
беральной фракции Финке все более отчетливо выделялись две группы:
значительная часть депутатов безоговорочно поддерживала своего руко-
водителя. Им противостояла группа представителей демократического либе-
рализма, которая стремилась добиться от руководства фракции большей
активности в направлении прогрессивной либеральной политики. Если им
еще раз удалось договориться о предоставлении средств для повышения
боеготовности армии, то при обсуждении германского вопроса возникли
очевидные разногласия, которые привели к выходу из фракции ряда депу-
татов.

В ходе парламентской сессии с января по май 1861 года отчетливо
проявились различия между старолибералами и демократами, естествен-
ным следствием чего стало возникновение новой фракции. Сторонники
демократического либерализма и фракция Финке демонстрировали раз-
личные политические воззрения по следующим пунктам: 1. германский
вопрос; 2. вопрос о необходимости политической программы; 3. о парла-
ментаризме; 4. о всеобщем и равном избирательном праве; 5. о ландвере; 6.
по поводу закона о союзах. Социальный вопрос во фракции старолибера-
лов вообще не рассматривался; только Шульце-Делич поставил его на об-
суждение.

Перечисленные расхождения во мнениях влекли за собой однако, не
только возникновение новой фракции, но также создавали основу для ор-
ганизации партии, которая вела организационное строительство вне пар-
ламента и членами которой были не только депутаты. После выхода из
фракции Финке и образования собственной фракции представители демо-
кратического либерализма решили принять участие в предвыборной борь-

⁵⁵ Цит. по: *Parisius L. Deutschlands politische Parteien. S. 24.*

бе как независимая группа. Они обдумывали возможность объединения с национальным союзом, «для чего должно было использоваться название «Национальная партия» и согласно национальному союзу разрабатываться предвыборная программа и программа партии»⁵⁶. Стремление не осуществилось. Они основали собственную организацию, которая тесно сотрудничала с национальным союзом. Возникла Немецкая прогрессистская партия.

В параграфе втором третьей главы «Программа, организация и деятельность партии» показаны институциональные основы Немецкой прогрессистской партии в Пруссии. Программа начиналась с провозглашения верности королю и конституции. Главные программные требования прогрессистов составляла триада «единство Германии», «сильная центральная власть в руках Пруссии» и «общегерманское народное представительство»⁵⁷.

Вопрос о всеобщем, равном и тайном избирательном праве был главным при обсуждении программы. Демократы, в первую очередь Говербек, Кригер, Шульце-Делич и их берлинские единомышленники требовали, чтобы это положение обязательно присутствовало в программе, против чего выступали либералы⁵⁸. Представителем этой группы был профессор Т. Моммзен, который отстаивал точку зрения, что такой пункт создаст препятствия для столь желанного объединения либералов и демократов, которого удалось добиться в Национальном союзе⁵⁹. После долгих и напряженных дискуссий председательствующий Вирхов вынес постановление исключить требование из программы. В сопроводительном письме, которое намеревались распространять вместе с текстом программы, решено было заявить, что вопрос о всеобщем, равном, тайном избирательном праве рассматривается как «открытый», поскольку его решение в парламенте нового созыва не ожидается.

Одержав троекратную убедительную победу на выборах в ландтаг, Немецкая прогрессистская партия превратилась в сильнейшую политическую партию Пруссии и вместе с тем важный фактор внутривнутриполитической жизни. Своей решительной оппозицией она вызвала правительственные кризисы, последовательно боролась в парламенте против нарушений конституции, которые допускало правительство. Какой другой государственный деятель, кроме Бисмарка, был готов иметь дело с такой сильной оппозицией? Может быть не так скоро, но любой другой руководитель правительства в подобной ситуации также сделал бы ставку на силовые методы с использованием армии и администрации. Давление, которое оказывало на прогрессистов правительство преследованием либерально настроенных чиновников и непреклонная позиция Бисмарка в конституционном кон-

⁵⁶ *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. Bd. 1. S. 208.

⁵⁷ Здесь и далее программа цит. по: *Treue W.* Deutsche Parteiprogramme seit 1861. Göttingen, 1968 S. 62–63.

⁵⁸ См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 36.

⁵⁹ См.: *Heuss A.* Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1996. S. 169.

фликте одновременно и усиливали, и ослабляли партию. Ее усиливали многие умеренные либералы, которые испытывали неприязнь к Бисмарку и его политике. Однако рост рядов не означал усиления влияния партии на длительную перспективу. Демократы в партии все больше ощущали, что «усиление» оттирает их в сторону. С другой стороны, резкие призывы демократов все больше не нравились укрепившимся в партии либералам, особенно когда в 1864 году они увидели, что Бисмарк стремится проводить национальную политику, а также поддерживает их экономическую политику.

Большая либеральная Немецкая прогрессистская партия, которая была коалиционной партией с момента основания, оказалась больше чем «партией компромисса» между либералами и демократами. Чем сильнее было напряжение в партии, тем ярче становилось с обеих сторон стремление проводить собственный политический курс и даже создать собственную партию. Первая попытка демократов потерпела неудачу. После окончания конституционного конфликта и первых побед на пути объединения Германии, когда давление правительства на партию прогрессистов ослабло, либералы основали Национал-либеральную партию.

В параграфе третьем третьей главы «Кризис и раскол раннелиберальных партий» показаны противоречия в партии прогрессистов между либеральным и демократическим крыльями.

Демократы и либералы объединились в Национальном союзе и партии прогрессистов в первую очередь для содействия решению вопроса о германском единстве. Поначалу значительная группа оппозиционеров в ландтаге из числа прогрессистов пыталась воспользоваться ситуацией, чтобы свергнуть Бисмарка и его правительство. Лишь небольшая группа прогрессистов в ходе заседания палаты попыталась сформулировать резолюцию с позитивными предложениями. Но эта инициатива была сорвана. Обе группировки прогрессистов были не удовлетворены старой партией. Демократы и либералы начали острую дискуссию по поводу тронной речи, которая в конечном счете привела к выходу либералов из прогрессистской партии. Последний повод для этого драматического шага дал барон Говербек, который требовал, чтобы те члены фракции, которые были выбраны в адресную комиссию, обязывались защищать проект Вальдека и отвергать любые поправки к нему. Якоби и Вальдек поддержали это предложение. Фон Унру энергично протестовал против этого. Он не хотел склонять членов фракции к обязательному голосованию. Поскольку договориться было невозможно, фон Унру покинул заседание и письменно сообщил правлению партии о своем выходе. Шульце-Делич напрасно пытался сохранить его в партии.

Для либералов сначала идут отечество, власть государства, затем конституция, либеральные права. Если, однако, отечество ставится выше конституции, нужно ли тогда в любом случае предотвращать нарушение конституции? Эти высказывания либералов показывают нам, насколько

консервативным был этот либерализм. Демократы наоборот решительно отказывались от опоры на консервативную систему. Время конституционного конфликта, события войны и дебаты об индемнитете подтолкнули либералов к осмыслению их старых принципов, которые больше не находили должной поддержки в партии прогрессистов. Демократы также отныне вновь открыто защищали свои требования перестройки существующего государства на либерально-демократических принципах. Эти две различные точки зрения на государство были настоящей причиной раскола Немецкой прогрессистской партии.

Четвертая глава диссертационного исследования «Ойген Рихтер: левый либерализм в бисмарковской Германии» посвящена самому бескомпромиссному и последовательному представителю этого идейно-политического течения.

Содержание **первого параграфа** «Жизненный путь и основы мировоззрения» позволяет понять фундаментальные черты политического характера О. Рихтера. Под влиянием знаменитых учителей у него сложилось устойчивое убеждение, что главной задачей политики является обеспечение функционирования буржуазного общества на принципах правового государства и свободного рынка. Вскоре после того как Рихтер встал во главе партии прогрессистов, все остальные выдающиеся представители левого либерализма стали его антиподами внутри партии. Но Рихтер смог одолеть всех оппонентов и победоносно руководил своей партией и после объединения с сецессионистами, и после нового раскола в 1893 году.

Новая Свободомыслящая народная партия держала такую же стойкую оппозицию к вильгельминскому режиму, как раньше к бисмаркианскому. Его базовые мировоззренческие принципы определяли партийную политику и до сих пор дают повод характеризовать его как «могильщика левого либерализма». Очевидны многие достойные качества этой личности, которые обеспечили ему быстрое восхождение по лестнице политической карьеры: усердие, выносливость, неутомимая работоспособность, выдающийся интеллект, острый ум и превосходная память. К тому же надо отметить предельно ясное понимание политических целей, выраженное осознание растущего значения массовой пропаганды и агитации, и что было редкостью среди либералов того времени, превосходные организаторские способности. Наряду с этими положительными качествами, современники отмечали его непростой характер. Действительно, на деле Рихтер как руководитель партии неоднократно опровергал собственные парламентские утверждения о том, что политические убеждения должны находить адекватное выражение в политической практике.

Краеугольным камнем социальной философии Рихтера является связь между политической и экономической свободой – концепция, которая отличала левый либерализм от массы национал-либералов. Этот принцип определил длительную политическую стратегию Рихтера. Всю свою жизнь он вел войну на два фронта: против псевдоконституционализма и

возобновившегося протекционизма Бисмарка с одной стороны и набирающего силу социалистического движения с другой. В экономическом и социально-политическом отношении Рихтер всегда оставался последовательным сторонником манчестерства.

Второй параграф четвертой главы «Борьба на два фронта: против Бисмарка и социал-демократов» раскрывает особенности политической стратегии и тактики левых либералов.

Рихтер шаг за шагом последовательно выстраивал маленькую, но сплоченную, уверенную в своих силах, гомогенную партию с жесткой внутренней партийной организацией и общими интересами, которые не допускали внутренних разногласий, с обучением членов партии различными способами, с использованием для этого центрального органа партии, который постоянно должен был указывать партийную линию. Таким образом, Рихтер породил концепцию, которая поразительно напоминала ту, что существенно позже и в другой стране получила название ленинской кадровой партии нового типа. Решающее значение для принципиального становления Рихтера как последовательного оппозиционера сыграли события второго или внутреннего основания империи в 1878–1879 годах.

Основы для последующих постоянных разногласий были заложены новыми политическими и финансово-экономическими инициативами канцлера – таможенный тариф, косвенное налогообложение, проекты создания монополий и государственное вмешательство в социальную политику. Рихтер воплощал в себе все то, что Бисмарк ненавидел в политике и против чего со всей страстью боролся.

Рихтер был оратором, партийным человеком, не столько прогрессистом, сколько оппонентом Бисмарка с первого дня его премьерства, он был публицистом и все это он делал с небывалой интенсивностью и мастерством. Вся его публичная деятельность наглядно свидетельствует, что оратор в нем преобладал над журналистом и писателем. Рихтер выступал против колониальных планов Бисмарка потому, что они оборачивались «обременением относительно неимущих к выгоде относительно имущих». Рихтер критиковал увеличение и усиление немецких вооруженных сил, «которые существенно способствовали последующему взаимному сближению Франции и России». Он открыто осуждал военно-морские проекты адмирала А. фон Тирпица. «Мировую политику» Вильгельма II он просто не понимал. В антисоциалистической полемике Рихтера, но не в речах, которые по силе и блеску не могли конкурировать с выступлениями против юнкеров и государственных секретарей, против Бисмарка и Беттихера, а в брошюрах, особенно, в «Социал-демократических картинках будущего» обращает на себя внимание попытка Рихтера сконструировать некий контрпроект юнкерскому паразитизму с одной стороны и социалистической обезличке с другой. Это в высшей степени мелкобуржуазная идиллия, которая жесточайшим образом разрушается с наступлением социал-демократического тюремного государства.

Третий параграф «Рихтер-публицист» посвящен важному аспекту его агитационно-пропагандистской и организационной деятельности. Он ясно отдавал себе отчет в том, как растущие средства массовой информации подходят для политической пропаганды, и стремился оказывать влияние на умы путем распространения своих взглядов в разнообразных публицистических формах. При этом он действовал инициативно, демонстрировал выдающиеся организационные (но не коммерческие) успехи и таким образом обеспечил своей политической позиции максимально возможную эффективность, какой только вообще мог добиться в кайзеровской империи политический одиночка-оппозиционер.

Из всей его публицистической деятельности выделяются два основных направления – пропагандистские брошюры и издание «Свободомыслящей газеты». В течение четырех десятилетий как политический деятель и публицист он боролся за то, что В. Зомбарт отвергал как «дух английского торгашества»: за мир, достойную жизнь для всех классов через рыночную экономику и свободную торговлю; плюрализм, а не жесткое столкновение мировоззрений и культурных ценностей, гражданское чувство собственного достоинства и независимость человека. Вопреки всем консервативным упрекам он всегда оставался гордым патриотом и не мог понять, почему немцы, как все люди, не должны наслаждаться частными правами. Иными словами, Рихтер был последовательным защитником тех тенденций, которые пережили катастрофы XX века и принесли свои плоды. В этом смысле Ойген Рихтер был предвестником современности.

Пятая глава диссертационного сочинения «Фридрих Науман: левый либерализм в вильгельминскую эпоху» посвящена наиболее яркому и противоречивому лидеру немецких левых либералов на рубеже XIX-XX вв. Его образ в исторической памяти немцев и политической культуре ФРГ предстает олицетворением национальной либеральной традиции, очищенной от «исторического греха» тех либералов, которые фактически отреклись от своих ранних идей в пользу бисмарковского имперского национального государства. В нем видят также символ преемственности современной Германии – республики и демократии с либерально-демократическими идеями и движениями, альтернативными вильгельминскому государству и создавшими Веймарскую республику.

Первый параграф пятой главы «От христианско-социального учения к либеральному империализму» раскрывает процесс эволюции личности Наумана как общественного деятеля. Первым и, возможно, наиболее важным шагом был его отказ от пасторского сана в 1896 г., за которым стоял отказ от идеи активного участия протестантской церкви в решении социальных проблем немецкого общества и от христианского подхода к решению политических и социальных проблем вообще. После этого Фридрих Науман стал целенаправленно заниматься политикой, основав в 1896 году свою собственную партию – Национал-социальный союз.

Вторым событием является его присоединение к левым либералам в 1903 году. Именно либерализм стал конечным пунктом его политических поисков. Суть убеждений Наумана сводилась к следующему: целью и движущей силой любой внутренней политики, в том числе и социальной, должно быть увеличение национальной мощи. Нравственные мотивы играют при этом второстепенную роль, если вообще принимаются в расчет. Разделяя эту точку зрения, Науман был вынужден отказаться от религиозной основы своей социальной работы. Закономерным выводом было также признание усиления внешней мощи Германии. Внешняя политика получает приоритет над внутренней, потому что, по убеждению Наумана, внутренние реформы могли иметь успех только в сильном, защищенном от внешних противников государстве. С этой точки зрения надо рассматривать набор идей, с которыми Науман выступал, начиная примерно с 1896 года: безусловная поддержка «мировой политики» Вильгельма II, империализма, и в то же время последовательное требование социальных реформ, улучшения положения рабочих и увеличение их политической роли в жизни рейха. Индустриализацию и демократизацию Науман считал неотъемлемыми условиями успешного развития Германии и роста ее международного статуса. Следует отметить, что если раньше решение социального вопроса для Наумана было самостоятельной целью, фактически нравственным долгом благополучных слоев общества, то отныне оно являлось лишь средством укрепления мощи германской нации.

Основу политической философии Наумана формировал комплекс выраженных социал-дарвинистских представлений, впрочем, характерных для умонастроений эпохи. Науман, в отличие от Рихтера, принял новые правила игры и желал, чтобы возрожденное либеральное движение также искренне приняло их. Вместе со своим близким другом Максом Вебером Науман попытался вылепить либерализм, более приспособленный к обстоятельствам двадцатого века. В отличие от безнадежно прозаического Рихтера, Науман знал, как сформировать новое политическое видение и предложить его поколению, испытывавшему отвращение к классическим либеральным идеям.

Согласно концепции Наумана либерализм должен был заключить мир с социал-демократией, поддерживая классовые интересы рабочих и социальную политику государства. Тем самым либералы могли перехватить инициативу в решении национального вопроса у консерваторов, стать самыми рьяными защитниками «мировой политики» и империализма, признать необходимость повышения влияния и престижа Германии в мире. Естественно, Науман занимал решительные позиции по вопросу о наращивании военно-морских сил. Уже в 1900 г. он был убежден, что война с Англией неизбежна.

Политическим принципом Наумана при разработке программы его новой партии был тезис: «Внешняя мощь – внутренние реформы»⁶⁰. Таким образом, Национал-социальный союз по замыслу его основателей должен был стать альтернативой социал-демократии, которая была лишена национальной идеологии и потому не могла стать правящей партией. Эти идеи Фридрих Науман развил в своей первой большой работе «Демократия и императорская власть», вышедшей в 1900 году.

Примечательной особенностью программы Наумана, которая, правда, не принесла ему политической пользы, было то, что он подчеркнуто дистанцировался от интересов какой-то одной социальной группы или класса. Во главу угла он ставил процветание всего Германского государства, для чего требовалось не только участие всех классов, но и ограничение интересов отдельных категорий населения в пользу тех, которые наиболее могли внести большой вклад в усиление страны. Таким образом, Науман считал империалистическую внешнюю политику первой необходимой предпосылкой могущества Германии, т.к. он разделял идею примата внешней политики, а демократизацию Германского государства – второй.

Второй параграф главы представляет собой реконструкцию генезиса идеи «Срединной Европы» – главной внешнеполитической концепции Наумана. Уже в середине девятнадцатого столетия сложился круг авторов – пионеров идеи общего срединноевропейского пространства. Это, прежде всего, Фридрих Лист, которого называли «первым пророком Срединной Европы», Константин Франц, барон фон Карл Людвиг фон Брук и Пауль де Лагард. Их работы заложили основание традиции Срединной Европы и оказали существенное влияние на взгляды Фридриха Наумана по этому вопросу.

Общим для названных авторов являлось убеждение в общности государств, составлявших в XIX в. Срединную Европу. Из него возникала идея реорганизовать это пространство, придать ему новую единую форму взамен ликвидированной Священной Римской империи Германской нации. Но поскольку они жили и работали в разное время, в различных политических условиях, их видение характера будущего объединения государств было различным. Идеи Листа, Франца, фон Брука и де Лагарда, а также некоторых других авторов пробудили интерес к Срединной Европе, главным образом, среди ученых и образованных кругов Германской империи, но ни один крупный политик в Германии или Австро-Венгрии – странах, которые должны были явиться ядром Срединной Европы, не руководствовался ими в своих действиях.

В конце 1915 года появилась работа Наумана, посвященная Срединной Европе. Она содержала одновременно анализ ситуации, сложившейся на континенте, и выражение надежд и устремлений, возникших как за месяцы войны, так и в предшествующий период. Однако Фридрих Науман

⁶⁰ *Lewerenz O. Zwischen Reich Gottes und Weltreich. S. 204.*

ставил целью не только подвести итоги, но и задать новое направление: его «Срединная Европа» выходила за рамки исключительно экономического союза. Он искал историческое и философское обоснование для нового союза государств и в этом был близок к идеям средневропейского единства, бытовавшим до 1871 года. Среди предпосылок для создания Срединной Европы первостепенное значение для Наумана имела первая мировая война: именно она поставила Германию и Австро-Венгрию в качественно новые условия и заставила их теснее сотрудничать друг с другом.

С его точки зрения, было бы нецелесообразным прекратить это сотрудничество после завершения военных действий. Кроме того, оно могло и должно было послужить фундаментом для создания более крупного государственного объединения, которое являлось необходимым в условиях возникновения хозяйственно-политических блоков по всем мире. Поскольку в 1915 году стало очевидно, что Германия может потерять имевшиеся у нее ранее колонии, ей было нужно каким-то образом компенсировать эту утрату, и создание государственного объединения в Срединной Европе могло стать такой компенсацией. Следовательно, Германия была больше заинтересована в создании такого объединения, чем Австро-Венгрия, которая не владела колониями и во внешней политике ограничивалась действиями на европейском континенте, и должна была стремиться к доминированию в этом объединении. Возможность дальнейшего развития германской экономической модели, а также историческая общность народов Срединной Европы, напротив, оставались для Наумана второстепенными факторами. Вероятно, противоречивость концепции Наумана объясняется тем, что он – в русле своих прежних взглядов – видел в Срединной Европе не просто перспективный путь развития Центральных держав и малых европейских государств, а средство для закрепления мощи Германии в мировой политике, поскольку понимал, что в ходе войны она может потерять свой статус мировой державы.

Срединная Европа, таким образом, должна была отвечать именно интересам Германской империи. Одновременно Науман не мог не понимать, что создать Срединную Европу в одностороннем порядке (путем давления или даже посредством военных действий) было практически невозможно. Кроме того, такая Срединная Европа не дала бы желаемых результатов и была бы раздираема конфликтами, которые – хотя бы в силу ее масштабов – было бы невозможно подавить силовыми методами. Поэтому он предлагал иной путь, из которого следовало, что Германия была должна пойти на существенное самоограничение в рамках Срединной Европы. Но как найти компромисс между этими двумя вариантами, Науман не знал и, вероятно, не считал нужным искать его на первом этапе, когда главной задачей было убедить в необходимости создания средневропейского союза.

В третьем параграфе «Поборник сближения Германии и Франции» дан анализ отношения Наумана к западной соседке германской империи и его попыткам содействовать историческому примирению двух стран и на-

ций. В представлениях Фридриха Наумана о Франции сплелись эмоциональные и рациональные начала. Восхищение готическим архитектурным стилем, которой им воспринимался как выражение непреходящих достоинств французов – это, конечно, эмоционального уровня восприятия французской культуры.

Надо, однако, заметить, что представления Наумана о французской готике отличались от массового стереотипа начала XX века. Для него это в первую очередь возвышенность, изящество, декоративность, то есть положительные коннотации, которые транслировались на свойства национального характера французов. Страна «наполеонизма» – исторически убедительный пример сочетания в политике монархических и демократических принципов, который, по Науману, оставался актуальным для Германии – уже вполне рациональная конструкция, соответствовавшая его видению совершенной формы правления. Наконец, Франция представлялась ему естественным союзником Германии на континенте в противостоянии экономическому империализму англичан и гегемонистским притязаниям русского царизма. Фактически единственным препятствием на этом пути и одновременно решающим фактором, который подтолкнул Францию к «противоестественному» союзу с Россией и Великобританией, Науман считал «комплекс 1871 года» – неизжитые и культивировавшиеся чувства обиды, унижения и стремление к реваншу.

В основе этих размышлений просматриваются актуальные в ту эпоху мальтузианские, социал-дарвинистские и геополитические мотивы с их прихотливым сочетанием рационализма и идеализма. Наконец, субъективные представления Наумана о Франции не смогли, при всем желании их носителя, оказать заметного влияния ни на властные верхи, ни на характер двусторонних отношений, ни на европейскую ситуацию, чреватую большой войной. Однако знакомство с ними формирует более точное представление о духовной атмосфере в Германии и Европе на рубеже веков. Показывает, что агрессивной политике империализма существовала разумная альтернатива. Она осталась нереализованной в силу драматических внутренних и внешних обстоятельств, но сохранилась как часть интеллектуальной традиции, которая привела Францию и Германию к историческому примирению после Второй мировой войны.

В Заключении обобщены результаты и сформулированы общие выводы работы. На основе изучения комплекса отечественных и зарубежных источников сделаны следующие выводы.

Либерализм, который по общему признанию помог достигнуть определенной степени человеческой свободы, был идеологическим выражением борьбы буржуазии за выживание. Одновременно возник другой намного более многочисленный класс – рабочие, «жертвы» торжества буржуазии. Этот класс боролся в свою очередь за собственное признание и доминиро-

вание, и, соответственно, развивал свою собственную идеологию – социализм, которая была нацелена на переход через революцию к более высокому, более широкому уровню человеческого освобождения. Естественный и неизбежный конфликт интересов этих двух классов – в основном, эксплуататоров и эксплуатируемых, определял характер исторического процесса в новое и новейшее время. В конце концов, он нашел свое естественное завершение в государстве всеобщего благосостояния, основанном на компромиссе. Шаг за шагом в теории и на практике различные сектора человеческой деятельности были изъяты из юрисдикции принудительной власти и переходили в область свободного взаимодействия саморегулирующихся сообществ.

Не только европейский, но немецкий либерализм был чрезвычайно многоликим явлением. Левые либералы Пруссии и всей северной протестантской Германии, включая Ганновер, безоговорочно поддерживали малогерманский вариант объединения страны под руководством Пруссии, если она явит собой образец подлинно конституционного государства. На католическом Юге среди левых либералов преобладающими оставались антипруссские настроения, чаще всего связанные с поддержкой великогерманского пути объединения под руководством Австрии. Там же проявлял себя и вариант «третьей Германии», особенно ярко выражение он нашел в деятельности (южно)немецкой народной партии на территории Вюртемберга, которая отвергала претензии на руководство со стороны и Пруссии, и Австрии, и выступала с позиций либерально-демократического партикуляризма.

В период становления основных идейно-политических течений в Германии в первой половине – середине XIX века немецкий либерализм распадается на революционно-демократическое движение мелкобуржуазного характера и конституционно-легалистское направление, которое выражало интересы крупной буржуазии. Тогда же радикально-либеральные демократы – «цельные» – стали противопоставляться умеренным либералам – «половинчатым». При этом принципиальные различия между демократами и левыми либералами оставались трудноуловимыми. И те, и другие отстаивали принцип народного суверенитета, верховенство конституции, ратовали за преобладание народного представительства над исполнительной властью. Но для одних – левых либералов – эти требования выступали в качестве главных условий реализации индивидуальных свобод, а для других – демократов – в качестве условий, гарантирующих всеобщее гражданское равноправие. Они составляли ядро первых общегерманских партийно-политических образований – Национального союза (1859–1867) и Немецкой прогрессистской партии (1861–1884).

Окончательное организационно-политическое размежевание между ними произошло только в конце 1860-х годов, когда сложилась новая собственная гомогенная база демократического движения – рабочий класс. При этом многие прежние демократы образца 1848 г., такие как Г. Шуль-

це-Делич, Р. Вирхов, Б. Вальдек склонились к левому либерализму. На волне стремления к национально-государственному единству, в кратковременный период «новый эры» в Пруссии именно либералы создали первые массовые политические организации общегерманского масштаба (Национальный союз, прогрессистская партия), а также продемонстрировали свое убедительное превосходство над прочими социально-политическими силами, завоевав большинство голосов в прусском ландтаге. В рамках этого периода кристаллизация леволиберального движения еще не произошла, поскольку либералы и демократы в широком смысле этого слова действовали рука об руку. Окончательное оформление леволиберального движения произошло под влиянием успехов политики Бисмарка по объединению Германии «железом и кровью». Тогда произошел окончательный раскол внутри относительно единого до тех пор либерального движения (это единство обеспечивалось их общим стремлением к национальному государству).

Вследствие этого значительная часть представителей общелиберального движения выразила безоговорочное желание принять и поддержать политику «железного канцлера» исходя из принципа «сначала единство, потом свобода». Необходимо учитывать, что и сам прагматик Бисмарк в своей политике поначалу использовал некоторые либеральные (свобода предпринимательства) и даже демократические (всеобщее избирательное право) элементы. Буржуазные демократы в этой ситуации не смогли преодолеть комплекс маргинального меньшинства, и только левые либералы в лице партии прогрессистов отважились поставить конституционные принципы выше стремления к национально-государственному единству. Об этом свидетельствует политическая ситуация, сложившаяся по поводу обсуждения закона об indemnitate в прусском парламенте в 1867 году. Левые либералы встали в жесткую оппозицию бонапартистскому режиму Бисмарка, поскольку не желали поступаться традиционными принципами либерализма во имя национально-государственной идеи. При этом почти на протяжении четверти века, вплоть до отставки Бисмарка в 1890 году, их принципиальная оппозиция хоть и имела множество конструктивных элементов, оказалась не способной к созданию эффективной политической альтернативы. В это время левый либерализм в Германии фактически отождествлялся с классическим манчестерским либерализмом.

С 1879 по 1906 годы на фоне трансформации политической системы второй рейха от режима личной власти Бисмарка к режиму власти Вильгельма II левый либерализм представлял собой партию принципиальной оппозиции. Прогрессисты трансформировались в «свободомыслящих» в 1884 году, когда к ним присоединилась небольшая, но влиятельная группа национал-либералов – «сецессионистов», выступавших против чрезмерных военных расходов рейха и ограничения прав рейхстага в контроле за ними. Партия свободомыслящих смогла достичь наивысшего успеха на выборах в рейхстаг 1881 года – непосредственно после «второго основания импе-

рии» – поворота Бисмарка к неприкрытой политике консерватизма, когда завоевала 23 % голосов и сформировала крупнейшую фракцию депутатов числом 115 человек.

Последующие годы были отмечены снижением авторитета и влияния партии, в первую очередь из-за внутренних разногласий, особенно в начале вильгельминской эпохи, когда часть свободомыслящих поддержала «новый курс» канцлера Каприви, осознав необходимость активного участия в решении социальных вопросов. Они создали свою собственную небольшую партию – Свободомыслящее объединение во главе Т. Бартом. Приверженцы последовательной оппозиции во главе с Рихтером, которые отвергали саму мысль о возможном соединении либерализма и массового рабочего движения, назвали себя «Свободомыслящей народной партией». На германском католическом юге (Бавария, Баден, Вюртемберг) одновременно действовала межрегиональная леволиберальная Немецкая народная партия (1868–1910).

Очередной качественный этап в истории немецкого левого либерализма связан с эпохой империализма, которую принято считать антилиберальной по самой своей сути. Социально-экономические перемены обусловили такую расстановку политических сил, которая вошла в противоречие с основами либеральной теории и либерального мировоззрения. Прежде всего, прежняя оптимистическая вера буржуазии в прогресс с ее утопическими представлениями о свободе и равенстве всех людей в свете ускоренной индустриализации столкнулась с новыми вызовами со стороны социалистического рабочего движения, которое противопоставило либеральной концепции экономического освобождения стремление к социальному нивелированию и государственному протекционизму. Вследствие этого перед либерализмом в целом возникла малопривлекательная перспектива объединения с консервативным течением с целью создания единого фронта во имя сохранения старого существующего порядка против социальных перемен, которые отныне явно противоречили базовому либеральному идеологическому принципу обеспечения и защиты основных прав человека на индивидуальном уровне. Минимум социальной безопасности и справедливости требовал вмешательства государства во многие сферы, в том числе в сферу частного предпринимательства, что казалось либералам, особенно представителям «радикального либерализма» абсолютным злом. При этом в их представлениях соединялись такие демократические ценности как стремление к ограничению власти государства в пользу граждан и манчестерские установки. Однако это было возможно только пока большинство работодателей в их глазах представало в образе мелких предпринимателей.

В условиях безраздельного политического господства «альянса ржи и стали» налицо были процессы массовизации общества, которые ярче всего проявлялись в социальной и политической активности рабочего класса и его партии социал-демократов. Окончательный крах потерпела политика

соглашательства с властью национал-либералов. Левые либералы осознали необходимость качественного обновления своей идеологии и практики, что диктовалось прежде всего необходимостью политического выживания, поскольку в условиях политической мобилизации массового общества они по-прежнему представляли собой «объединение почтенных людей», представлявших интересы традиционных образованных средних городских слоев протестантской Германии. В этой ситуации ими была принята новая политическая установка – на принципиальное обновление и расширение собственной социальной базы за счет проведения активной социальной политики в интересах абсолютного большинства трудящихся, прежде всего рабочих. Политические установки этой стратегии предполагали создание широкого фронта оппозиции кайзеровскому режиму «от Бебеля до Бассермана», т.е. всех тех политических сил, которые осознавали необходимость качественной модернизации государственного строя на путях его парламентаризации. Однако долгое время реализации этого замысла мешала организационная раздробленность левых либералов.

В условиях тотальной массовизации и политизации немецкого общества, процессов, связанных с наступлением новой эпохи, левые либералы наконец-то осознали необходимость сплочения своих сил, обновление программных установок, расширения социальной базы. В 1910 году на основе объединения трех леволиберальных партий возникла Прогрессивная народная партия во главе с Т. Бартом и Ф. Науманом. На последних в истории второго рейха выборах в рейхстаг новой партии удалось приобрести 12 % голосов, что в очередной раз подчеркивало ее особый статус. Это была партия авторитетных людей, властителей умов, что всегда отмечало левый либерализм. Эта специфика проявлялась и в деятельности крупнейшей леволиберальной партии Веймарской Германии – демократической партии, учредительную программу которой подписали многие интеллектуалы того времени – от А. Энштейна до Я. Шахта, будущего министра финансов в кабинете А. Гитлера. При этом большинство представителей левых либералов, как и большая часть всего немецкого общества, да и европейской цивилизации оказались отравлены ядом империализма и национализма. С большим трудом они начали пересматривать эти свои взгляды только под влиянием трагического опыта Первой мировой войны.

Эпоха империализма с выраженным акцентом на примат внешней политики над внутренней стала очередным испытанием для левого либерализма. В данном случае его новые вожди не смогли избежать участи подавляющего большинства нации. Они искренне поддерживали «мировую политику» Вильгельма II, и даже самый проницательный из них – Ф. Науман – получил обидное прозвище «гуннского пастора» за последовательную поддержку знаменитой «гуннской речи» Вильгельма II.

Возможно, самыми яркими представителями «капиталистической революции» в вильгельмовской Германии стали О. Рихтер и Ф. Науман. Будучи современниками, они представляли не только два поколения не-

мецких либералов, но и два различных этапа в истории немецкого левого политического либерализма. Либерализм Рихтера основывался на стремлении подчеркнуть непреходящую ценность восходящих к эпохе Просвещения принципов свободы, противопоставить их доходящему до цинизма прагматизму «реальной политики» Бисмарка. Пусть даже современникам эта позиция казалась в значительной степени негибкой и излишне жесткой, актуальность его утверждения о неразрывной связи экономической и политической свободы представляется очевидной как никогда. Либерализм Наумана был основан на его остром политическом чутье и том, что он одним из первых осознал и по достоинству оценил масштаб тех перемен, которые происходили в Германии, Европе и мире на рубеже веков, что было связано с формированием массового общества в эпоху империализма. Стремление Наумана к ревитализации либерализма за счет новых политических возможностей, которые предоставляло массовое рабочее движение, выводит его в ряд отцов-основателей социального либерализма и государства всеобщего благоденствия, а размышления о Срединной Европе – как духовного предтечу современной европейской интеграции.

Принадлежность обоих к одному идейно-политическому течению лишь подчеркивает несхожесть их характеров и судеб. Недостаток внимания на грани забвения к левому либералу Рихтеру и постоянное, порой преувеличенное внимание к левому либералу Науману, чей образ постоянно в фокусе внимания, многое говорит о состоянии национальной исторической памяти и официальной политической культуры федеративной республики. Гибкость, способность к эволюции, ориентация на партнерство с властью и поиск широких компромиссов предпочтительнее непреклонной твердости и верности принципам. При всех различиях Рихтера и Наумана объединяют по меньшей мере два существенных обстоятельства. Первое – оба они происходили из того слоя образованного бюргерства, который в Германии составлял самую надежную опору либерализма и чьи интересы каждый из двух политиков по своему выражал. Этот слой, казалось, распался под давлением массового общества, но в его традициях берет начало современный средний класс. Второе – ни тот, ни другой вместе со своими единомышленниками и сторонниками не смогли сформировать успешную и результативную политическую альтернативу кайзеровскому государству с одной стороны и рабочему движению под предводительством социал-демократии с другой. Однако оба стали своего рода политическими воспитателями нации, чей интеллектуальный и моральный потенциал оказался востребован спустя полвека.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

***Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных
ВАК РФ:***

1. *Баранов Н. Н.* Программные документы либеральных партий Германии периода основания Веймарской республики / Н. Н. Баранов // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 182–205.
2. *Баранов Н. Н.* Срединная Европа Фридриха Наумана: становление концепции // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (65). С. 173–181.
3. *Баранов Н. Н.* Структурные и функциональные аспекты концепции «Срединной Европы» Ф. Наумана // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (79). С. 31–40.
4. *Баранов Н. Н.* Страна готики и «наполеонизма»: Фридрих Науман о Франции (1899-1914 гг.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 117–126.
5. *Баранов Н. Н.* О кафедре новой и новейшей истории Уральского государственного университета // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 241–243.
6. *Баранов Н. Н.* Либеральные депутаты германского рейхстага (рец.) // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 1 (87). С. 311–313.
7. *Баранов Н. Н.* Ойген Рихтер: левый либерализм в кайзеровской Германии // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 96–104.
8. *Баранов Н. Н.* Между кафедрой и трактором: о судьбе германского либерализма в революции 1848 г. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 84–101.

Монография:

Баранов Н. Н. Два лика левого политического либерализма в вильгельмовской Германии. Саарбрюккен, 2011. 232 с.

Публикации в других изданиях:

1. *Баранов Н. Н.* Европейское сообщество в проектах немецких либералов-эмигрантов в годы Второй мировой войны / Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Екатеринбург, 1992. С. 49–51.
2. *Баранов Н. Н.* Европейская идея в немецком либерализме конца XIX – начала XX вв. / Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время. Екатеринбург, 1998. С. 141–143.

3. Баранов Н. Н. Либеральные партии и «мировая политика» Германии при Вильгельме II (к постановке проблемы) / Европа на рубеже тысячелетий: исследование и преподавание европейской истории XX века. Екатеринбург, 1999. С. 62–63.
4. Баранов Н. Н. Леволиберальные партии Германской империи / Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 365–369.
5. Баранов Н. Н. Становление концепции Срединной Европы Фридриха Наумана / Немцы на Урале и в Сибири (XVI – XX вв.). Материалы научной конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия». Екатеринбург, 2001. С. 442–453.
6. Баранов Н. Н. Внешняя политика Германии в программных документах либеральных партий периода основания Веймарской республики / Уральский вестник международных исследований. Вып. II. Екатеринбург, 2004. С. 45–61.
7. Баранов Н. Н. «Мы только выполняли приказ»? Военные преступления вермахта в исторической памяти немцев / Великий подвиг народа. Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2005. С. 167–178.
8. Баранов Н. Н. Фридрих Науман – становление интеллектуала / Imagines mundi: Альманах всеобщей истории XVI–XX веков. № 4. Серия Интеллектуальная история. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 106–123.
9. Баранов Н. Н. Холокост в современной историографии ФРГ / Память о Холокосте: боль познания. Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2007. С. 90–95.
10. Баранов Н. Н. Становление политического католицизма в Германии / Религия в жизни человека и общества. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2008. С. 10–12.
11. Баранов Н. Н. «Гуннская речь» кайзера Вильгельма II в интеллектуальном контексте эпохи / Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Серия Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 262–268.
12. Баранов Н. Н. Леопольд фон Ранке: историк и его метод / Россия и мир: Панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 36–41.
13. Баранов Н. Н. Критская операция в лицах: Курт Штудент и Бернард Фрейберг / Imagines mundi: Альманах всеобщей истории XVI–XX веков. № 6. Серия Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 216–230.

14. *Баранов Н. Н.* К вопросу о генезисе концепции Срединной Европы / Альманах европейских исследований 2009. Екатеринбург, 2009. С. 4–10.
15. *Баранов Н. Н.* Имперская мифология в государственной пропаганде вильгельминской Германии / Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории. Тез. докл. XIII Межд. науч. Сюзюмовских чтений, Екатеринбург, 18-20 ноября 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 11–12.
16. *Баранов Н. Н.* К вопросу о современном состоянии немецкой историографии либерализма в Вильгельминской Германии / *Imagines mundi: Альманах всеобщей истории XVI-XX веков. № 7. Серия Интеллектуальная история. Вып. 4.* Екатеринбург, 2010. С. 321–326.
17. *Баранов Н. Н.* Элитное образование в имперской Вене: опыт социально-исторического исследования (рец.) / *Imagines mundi: Альманах всеобщей истории XVI-XX веков. № 7. Серия Интеллектуальная история. Вып. 4.* Екатеринбург, 2010. С. 406–407.

Учебное пособие:

Баранов Н. Н. Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Екатеринбург, 2006. 244 с. (в соавторстве).